

Научная статья
УДК 343.13
DOI 10.33184/pravgos-2024.1.4

Original article

ГРИГОРЬЕВ Виктор Николаевич
Научно-исследовательский институт ФСИН
России, Москва, Россия;
e-mail: grigorev.viktor@gmail.com;
https://orcid.org/0000-0002-4393-7851

GRIGORYEV Viktor Nikolaevich
Research Institute of the Federal Penitentiary
Service of Russia, Moscow, Russia.

ЗИНЧЕНКО Игорь Анатольевич
Калининградский филиал Московского
международного университета,
Калининград, Россия;
e-mail: zinchenko3939@mail.ru;
https://orcid.org/0009-0000-6784-8223

ZINCHENKO Igor Anatolyevich
Kaliningrad Branch of Moscow International
University, Kaliningrad, Russia.

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ КАТЕГОРИЙ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

A COMPARATIVE VIEW ON THE REGULATION OF GOAL-SETTING CATEGORIES IN THE
CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF POST-SOVIET STATES

Аннотация. Авторы статьи анализируют одну из тенденций уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и государств ближнего зарубежья, сложившуюся еще в период его кодификации 1958–1961 гг., состоящую в закреплении в текстах законов таких категорий, как цель и задачи данной отрасли права либо регулируемой им деятельности. Легальные приемы, использованные законодателями постсоветских государств для отражения в нормативно-правовых актах названных категорий, противоречивы, порой полярны. Закон и юрисдикционная деятельность неоднородны по предмету правового регулирования, а главное – по содержанию норм, определяющих их статус. Методы: эмпирические методы описания и интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический, сравнительно-правовой. На основе проведенного исследования и авторского подхода к решению проблемы сформулирована редакция новой структурной единицы – статьи УПК РФ «Цель и задачи уголовно-процессуального законодательства», которая может быть принята во внимание в ходе грядущего законотворчества.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, уголовно-процессуальное законодательство, целеполагание, назначение уголовно-процессуального права, цель и задачи уголовного судопроизводства

Для цитирования: Григорьев В.Н. Компаративистский взгляд на регламентацию категорий целеполагания в уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко. – DOI 10.33184/pravgos-2024.1.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 32–38.

Abstract. The authors of the article analyze one of the trends in the criminal procedure legislation of the Russian Federation and neighboring countries, formed in the period of its codification in 1958–1961, which consists in fixing in the texts of laws such categories as the purpose and objectives of this branch of law or the activity regulated by it. The legal techniques used by legislators in Post-Soviet states to reflect these categories in regulatory legal acts are contradictory and sometimes polar. The law and jurisdictional activity are heterogeneous in terms of the subject of legal regulation, and most importantly – in terms of the content of the norms defining their status. Methods: empirical methods of description and interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic, comparative legal. Based on the conducted research and the author's approach to the solution of the problem, the wording of a new structural unit – the article of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation «The Purpose and Objectives of Criminal Procedure Legislation» is formulated, which can be taken into account in the course of forthcoming lawmaking.

Keywords: comparative law, criminal procedure legislation, goal-setting, purpose of criminal procedure law, purpose and objectives of criminal proceedings

For citation: Grigoryev V.N., Zinchenko I.A. A comparative view on the regulation of goal-setting categories in the criminal procedure legislation of Post-Soviet states. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 32–38 (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.1.4.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовное судопроизводство и регламентирующая его отрасль права характеризуются не только собственно юридическими свойствами, в их аксиологическом измерении проявляются социальные и общекультурные качества. Не случайно законодатели ряда государств стремятся закрепить в национальных кодифицированных уголовно-процессуальных актах правила не только регулятивного характера, но и правовые установления, обладающие ценностями более высокого уровня. К их числу принадлежат и нормы, регламентирующие категории целеполагания. В уголовном производстве, как и в любом другом виде деятельности, такими категориями выступают цель, задачи, средства решения задач и функции. Предметом нашего внимания являются первые две.

Что касается ст. 6 УПК РФ, получившей наименование «Назначение уголовного судопроизводства», то она с момента принятия Кодекса и по сегодняшний день подвергается в научных источниках нелицеприятной критике. Спектр предъявляемых к ней претензий достаточно широк. Высказываются, в частности, суждения о том, что существовавшие в предшествующем законодательстве формулировки (они были помещены в ст. 2 УПК РСФСР), воспроизводившие ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г., были более совершенными [1, с. 237–238]. Ошибочным представляется исключение из предназначения уголовного производства задач по раскрытию, расследованию преступлений и изобличению лиц, виновных в их совершении, что противопоставило их задачам защиты граждан, общества и государства от противоправных деяний. В угоду либеральным ценностям, пишет Б.Г. Розовский, «непосредственно в самом законе установили, что в правовом государстве этические интересы должны уступить место всеохватывающей защите прав и свобод личности, исключающей риск осуждения невиновного» [2, с. 19]. Более того, редакцию ст. 6 УПК РФ именуют «малопродуктивной, а вернее, халатно легкомысленной», поскольку законодатель с помощью подобного приема «повелел отказаться от актуальных задач предотвращать, предупреждать и искоренять преступления» [3, с. 6]. Под сомнение ставится правомерность места, занимаемого ст. 6 УПК РФ в структуре Кодекса [4, с. 25–26]. Несовершенной счита-

ется даже ее редакция, не укладывающаяся в традиции отечественной юридической фразеологии [5, с. 128–129]. Обращается внимание и на уголовно-процессуальное законодательство государств дальнего зарубежья, в которое не включаются отражающие целеполагание нормы [6, с. 44].

В специальной литературе, случается, высказываются и пожелания, касающиеся совершенствования ст. 6 УПК РФ. Огорчает лишь то, что такие инициативы, как правило, не подкрепляются конкретными формулировками норм. Их точные редакции – явление в данной тематике исключительное, а порой и вызывающее сомнения в прагматичности достигнутых авторами результатов. Именно поэтому в поисках путей разрешения названных и иных проблем мы обратились к законодательству государств ближнего зарубежья. В еще недалеком прошлом оно имело единую научную и правовую основу с российским законодательством, а ныне развивается в далеко не совпадающих с ним направлениях.

Изложению результатов предпринятого нами компаративистского анализа хотелось бы предпослать ряд предварительных замечаний.

Во-первых, мы должны учитывать, что, обновляя либо создавая новые уголовно-процессуальные кодексы и иные нормативно-правовые акты, законодатели государств ближнего зарубежья вправе избрать (и избрали) различные подходы к формулировкам норм, отражающих юридическое целеполагание [7, с. 15–16 и др.]. Думается, что при этом авторы исходили (не могли не исходить) не только из содержания национальной уголовной политики государств, социальных запросов и ожиданий, исторических правовых традиций, но и научных пристрастий и иных субъективных факторов. Во-вторых, уголовно-процессуальные кодексы и законы постсоветских государств были нами детально изучены не с целью поиска примеров для заимствования (хотя в этом нет ничего зазорного) и не для критики. (При том разное, который выявляется в зарубежных УПК в части закрепления в них категории целеполагания, упреков в их адрес может быть высказано немало). Нормативно-правовые акты анализировались с целью выявления направлений развития уголовно-процессуального законодательства в соответствующей его части. В-третьих, изучая зарубежные нормативные источники,

мы, как и другие авторы, обязаны учитывать нюансы перевода юридических текстов с титульного языка на русский. (На национальном и русском языках законы принимаются лишь парламентами Беларуси, Казахстана и Кыргызстана). Нет никакой уверенности в том, что специалисты, участвующие в переводах УПК соседних государств, при всем уважении к их творчеству, всегда умело используют правила так называемого функционального перевода и всегда однозначно точны. Мы, например, склонны переводить название ст. 1 УПК Грузии, в которой закреплено: «Настоящий Кодекс устанавливает правила расследования преступлений, осуществления уголовного преследования и правосудия», как «Назначение Кодекса», однако во всех известных нам переводах оно сформулировано как «Цель Кодекса». Аналогичным образом мы предлагаем определиться и с переводом на русский язык названия ст. 1 УПК Литовской Республики, определяющей назначение, но никак не цель, только в данном случае не закона, а уголовно-процессуальной деятельности. Подобных примеров элементарных и даже грубых ошибок переводчиков можно привести немало¹.

ЗАКРЕПЛЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УПК ГОСУДАРСТВ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Теперь по существу. В кодексах постсоветских государств неоднозначные подходы обозначились, прежде всего, в предмете правового регулирования. В семи из пятнадцати анализируемых нами кодексов регламентируется целевое предназначение уголовно-процессуального законодательства, а в оставшихся восьми – задачи уголовного производства². Примечательно при этом, что **названия** однородным структурным единицам УПК, составляющим *первую группу (законодательство)*, даются самые разнообразные. Так, ст. 1 УПК Азербайджанской Республики именуется «Назначение уголовно-процессуального законодательства», ст. 1 УПК Латвийской Республики – «Цель Уголовно-процессуального закона», ст. 2 УПК Республики Беларусь – «Задачи уголовно-процессуального закона». Не-

сколько выделяется из приведенного реестра наименование ст. 1 УПК Эстонской Республики – «Область применения Кодекса».

Разночтения в названии статей, влекущие неоднородность наполняющего их содержания, проявляются и в пределах одной национальной правовой системы. Примером может служить законодательство Армении. Статья 2 УПК, принятого в 1998 г., именовалась «Задачи законодательства об уголовном судопроизводстве», а ст. 2 УПК 2021 г. носит название «Цель Уголовно-процессуального кодекса». За терминами скрываются смыслы, поэтому в содержании юридических текстов данная позиция нам представляется существенной.

Нет единства в названиях статей и в восьми кодексах, закрепляющих категории целеполагания, касающиеся уголовно-процессуальной деятельности. Статья 1 УПК Литовской Республики, как и ст. 6 УПК РФ, именуется «Назначение уголовного судопроизводства». В остальных шести кодексах соответствующие статьи в несколько отличающихся редакциях называются «Задачи уголовного (либо уголовно-процессуального – ст. 2 УПК Республики Таджикистан) судопроизводства». Из общего строя выбивается ст. 1 УПК Республики Молдова, озаглавленная «Понятие и задачи уголовного судопроизводства». Соответственно, в ее ч. 1 дана дефиниция рассматриваемого вида деятельности, а в ч. 2 перечислены ее задачи.

Обращают на себя внимание и особенности размещения статей в структуре ряда кодексов. Статья 8 УПК Республики Казахстан, ст. 6 УПК Кыргызской Республики и ст. 7 УПК Туркменистана помещены не в главы, посвященные характеристике отраслевого законодательства, а в главы, которые носят название «Задачи и принципы уголовного судопроизводства». (Думается, что часть претензий, предъявляемых современными исследователями к ст. 6 УПК РФ, была бы дезавуирована, если бы гл. 2 отечественного Кодекса получила аналогичное название).

Однако наиболее значимые вопросы кроются, конечно, не столько в наименованиях, сколько в **содержании** анализируемых нами структурных единиц УПК и в согласованности между ними. В этом контексте статьи кодексов, определяющие предназначение уголовно-процессуального законодательства, с известной долей условности имеет смысл тоже разделить на несколько групп. К одной из них можно отнести статьи, в которых зако-

¹ Авторы выражают благодарность профессору А.С. Гамбаряну и доценту В.П. Гмырко за участие в переводах фрагментов ряда зарубежных кодексов на русский язык.

² Фактически анализу подверглось большее количество УПК, поскольку в ряде государств после распада СССР принципиально новые кодексы принимались дважды.

нодательные предписания сформулированы максимально лаконично. Так, ст. 1 УПК Грузии, закрепляя «Назначение Кодекса», обозначает его как установление «правил расследования преступлений, осуществления уголовного преследования и правосудия». В ст. 2 УПК Республики Армения данной целью называется «определение эффективного порядка осуществления производства по предполагаемым преступлениям, основанного на обеспечении прав и свобод личности». В ст. 1 УПК Латвийской Республики акцент сделан на «эффективное применение уголовного закона и справедливое урегулирование уголовно-правовых отношений без вмешательства в частную жизнь». В ст. 1 УПК Эстонской Республики наряду с такой «задачей» законодательства, как «установление правил досудебного и судебного производства», содержится указание и на регламентацию «порядка обращения к исполнению решений суда».

Другую группу составляют кодексы, в которых предпринято более широкое толкование задач/назначения отраслевого законодательства. Единства подходов к регламентации однопорядковых правовых категорий в них также не усматривается. В одних кодексах, например в ч. 2 ст. 2 УПК Республики Молдова, формулируются задачи защиты личности, общества и государства от преступлений, чтобы «каждый совершивший преступление был наказан в меру своей вины и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден». В других, например в ст. 2 УПК Республики Узбекистан, без какой-либо коррекции дублируется редакция ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и соответствующих статей ранее существовавших республиканских УПК: «Быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных...».

Таким образом, задачи уголовного судопроизводства механически переносятся на регулирующее его законодательство.

Что касается закрепления в УПК постсоветских государств задач, стоящих перед самой уголовно-процессуальной деятельностью, то оно реализуется в них в двух основных направлениях. В одном из них соответствующие статьи кодексов наполняются большим или меньшим перечнем юридико-технических задач, представленных далеко не во всех отношениях в совпадающих редакциях. Так, при сравнительном анализе ст. 6 УПК Кыргыз-

ской Республики и ст. 2 УПК Республики Таджикистан совпадение прослеживается лишь в четырех из семи названных в них задач: (1) защита личности, общества и государства от преступлений, (2) быстрое и полное раскрытие преступлений, (3) привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, и (4) справедливое судебное разбирательство. Помимо этого, в первом из рассматриваемых Кодексов названы задачи (1) защиты личности от незаконного обвинения, осуждения, а также ограничения ее прав и свобод, (2) реабилитации невиновного и (3) обеспечения возмещения материального и морального вреда, а во втором – (1) установление порядка производства по уголовным делам, (2) соблюдение процессуальных норм при применении уголовного закона, (3) защита законных интересов участников уголовного производства и других лиц.

Другому направлению свойственно дополнение приведенных перечней задачами, определяющими социальное назначение уголовного производства. Примером может служить ч. 2 ст. 8 УПК Республики Казахстан, в которой говорится о том, что установленный законом порядок производства по уголовным делам должен способствовать укреплению законности, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву и др.

Подводя итоги, хотелось бы, во-первых, отметить, что ни один из законодателей государств ближнего зарубежья не отказался от закрепления в национальном УПК категорий целеполагания.

Во-вторых, следует указать на отсутствие в кодексах единства нормативных подходов к регламентации однотипных (базовых) правовых феноменов. Несмотря на бесспорную ориентацию авторов кодексов на предшествующее законодательство, создававшееся в эпоху СССР, в них нет ни одного совпадения в формулировках целей/назначения/задач ни уголовно-процессуальной деятельности, ни отраслевого законодательства. Подходы, использовавшиеся при формулировании ст. 6 УПК РФ, ими также не были приняты во внимание. Порой складывается впечатление, что члены рабочих групп по подготовке проектов кодексов в ряде ситуаций стремились хоть в чем-нибудь, но не дублировать легальную форму воплощения идей, использованных их коллегами из соседних стран.

В-третьих, не представляется возможным выделить критерии, по которым в законодательстве постсоветских государств осуществлялся отбор формулировок для описания категорий целеполагания.

Примечательно, что ни в одном из анализируемых нами уголовно-процессуальных кодексов не воспроизводятся положения, содержащиеся в Модельном УПК для государств – участников СНГ³. В его ст. 1 предлагалась дефиниция термина «уголовное судопроизводство», в ст. 2 содержалось указание на назначение данного вида государственной деятельности, а в ст. 3 перечислялись задачи уголовно-процессуального законодательства.

ПОЗИЦИИ АВТОРОВ, КАСАЮЩИЕСЯ ВОПРОСОВ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Несмотря на то что опыт законодательства государств ближнего зарубежья в анализируемой нами части не содержит безусловных образцов для подражания, он наводит на определенные размышления и позволяет изложить наши позиции по затронутым проблемам.

1. В государствах, находящихся на сопоставимом уровне исторического развития, цель уголовного процесса всегда одна и та же – упорядочение применения норм материального уголовного права об уголовной ответственности и наказании лица, виновного в совершении преступления. В конкретных условиях цель уголовного процесса реализуется в его задачах. Средством достижения цели уголовного процесса и решения задач, стоящих перед ним, выступает уголовно-процессуальное право. Цель и основная часть задач уголовного процесса (как, впрочем, и любого другого юрисдикционного производства) – категории стабильные. Они не зависят от воли законодателя, а также от большей или меньшей точности формулируемых им норм. Вряд ли у кого-либо есть сомнения в том, что достижение названной цели мыслимо без установления преступления, его раскрытия, изобличения виновного на предварительном следствии, определения виновности и меры наказания в

суде, ограждения невинного от незаконного привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

Уместно вспомнить и о задачах более высокого уровня (для уголовно-процессуальной деятельности – внешних). Они сопряжены с укреплением законности и правопорядка, с охраной прав и свобод юридических и физических лиц от противоправных посягательств, с воспитанием граждан в духе соблюдения законов государства. (Хотя должно быть понятно, что добросовестность правоохранителей и правосознание граждан определяется («воспитывается») далеко не только правовыми установлениями, а вот расхождение между ними и реальным правоприменением чревато самыми негативными последствиями). Часть задач уголовного судопроизводства, безусловно, подвержена коррекции в зависимости от политического режима государства, осуществляемой им уголовной политики и правовой идеологии. Миссия теории уголовного процесса состоит в их выявлении и адекватной формулировке. (Своему происхождению категории целеполагания в любом случае обязаны доктрине). Однако тот факт, что какие-либо из задач отсутствуют в тексте конкретного УПК (в том числе и в УПК РФ, поскольку именно он в конечном счете является приоритетным предметом нашего внимания), может свидетельствовать вовсе не о том, что они не существуют, а о неполноценности нормативно-правового акта.

2. Принципиально иные подходы, на наш взгляд, должны быть предъявлены к характеристике законодательства как средству достижения цели и решения задач. Перед самим по себе средством, будь то текст нормативно-правового акта, Библия или партитура симфонии, не стоят и не могут стоять цели и задачи. Они возникают у субъектов – пользователей этими средствами. Применительно к закону предпочтительнее ставить вопрос о предназначении, которому он обязан своим создателям.

В доступных нам уголовно-процессуальных законах и кодексах государств так называемого дальнего зарубежья – Германии, Италии, Испании, Франции и др. – категории «цель» и «задачи» не используются (исключение по понятным причинам составляет ряд государств Восточной Европы). Отсутствовали они и в Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г., и в УПК РСФСР

³ Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств – участников СНГ. Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 17.02.1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840> (дата обращения: 02.01.2024).

1922 и 1923 гг. Такой подход к конструированию нормативно-правовых актов объясним: проблемы целеполагания – удел доктрины. Попутно заметим также, что цель и задачи уголовного процесса и регламентирующей его отрасли права совершенно очевидны для сотрудников органов уголовной юстиции. (Профессионалы не могут равнодушно относиться к обусловленным целеполаганием результатам своей деятельности). Они вытекают из духа и буквы закона, из положений, закрепленных в нормах-принципах, в правовых установлениях доказательственного права и многих других факторов [8, с. 74]. На уровне обыденного представления предназначение уголовного процесса понятно и гражданам. Общество и граждане – в этом можно не сомневаться – имеют достаточное представление о том, с какой целью, зачем государством принимается уголовное, уголовно-процессуальное, трудовое, семейное и иное законодательство. При этом подавляющее число граждан никогда и не читает законы, а если, случается, и обращается к ним, то далеко не к тем разделам и нормам, в которых отражено нормативное целеполагание.

Тем не менее в отечественном законодательстве начиная с 1958–1961 гг. – период кодификации союзно-республиканского уголовно-процессуального законодательства – возник и получил устойчивое развитие иной тренд – закрепление в нормативно-правовых актах решаемых ими задач. В настоящее время он охватил все отрасли кодифицированного и некодифицированного законодательства (хотя по понятным причинам в материальных отраслях права по определению существует возможность формулировать лишь задачи, решаемые в сфере конкретной отрасли).

3. Применительно к процедурным отраслям права правомерно ставить вопрос: совпадают ли задачи законодательства и регулируемой им деятельности, и если совпадают, то в каких пределах? Думается, ответ на него должен быть дифференцированным. Одни из задач, например упорядочение общественных отношений, обусловленных материальным уголовным правом, присущи лишь процессуальному законодательству. Большинство иных задач могут быть свойственны как закону, так и деятельности.

4. Ранее нам доводилось высказывать мнение о нецелесообразности закрепления в

уголовно-процессуальном законодательстве норм, не выполняющих никаких регулятивных функций и не содержащих никакой принципиально новой информации, причем ни для правоприменителей, ни для граждан [9, с. 8–9]. К таковым, прежде всего, относятся идеологемы и абсолютное большинство норм-определений, помещенных в ст. 5 УПК РФ, содержащую разъяснения основных наименований и терминов, используемых в Кодексе. Однако разъяснительные нормы, посвященные целям и задачам уголовно-процессуального законодательства, в структуре УПК представляются логичными и соответствующими сложившимся в нем традициям. Отрицать их значимость, разрушать их не имеет смысла. Проблема заключается лишь в оптимальном и прагматичном легальном выражении подобного рода законодательных установлений.

Выводы и предложения

Разделяя критику, высказанную по поводу ст. 6 УПК РФ, представляется целесообразным исключить из будущего уголовно-процессуального законодательства России аутентичную ей структурную единицу как несовершенную по содержанию и не соответствующую по родовому признаку главе, посвященной принципам уголовного судопроизводства. От последнего из названных недугов, казалось бы, избавиться несложно и в ныне действующем УПК РФ, переименовав его гл. 2 в «Назначение и принципы уголовного судопроизводства» (как это сделано, например, в УПК Кыргызской Республики). Однако основная часть претензий таким слишком уж техническим приемом снята не будет. Что же касается гл. 1 УПК РФ, посвященной общей характеристике уголовно-процессуального законодательства и основных правил его применения, то в ней статья о назначении/задачах уголовно-процессуальной деятельности также не место.

Принимая во внимание целесообразность унификации подходов, используемых в отечественном законодательстве, его процессуальных и материальных ветвях, предпочтение, на наш взгляд, следует отдать закреплению в законе целей и задач, стоящих перед конкретной отраслью. Учитывая это обстоятельство, в гл. 1 будущего УПК РФ предлагается включить статью, которая содержала бы цели, юридико-технические задачи и задачи социального

назначения анализируемого нами законодательства примерно следующего содержания:

Статья 2. Цель и задачи уголовно-процессуального законодательства

1. Целью уголовно-процессуального законодательства является регламентация надлежащей процедуры досудебного и судебного производства по уголовным делам.

2. Задачами уголовно-процессуального законодательства являются:

1) обеспечение защиты физических и юридических лиц от преступных посягательств;

2) обеспечение быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения и осуждения виновных, справедливого судебного разбирательства, возмещения причиненного преступлением ущерба, защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные вопросы теории и практики : монография / В.Т. Томин. – Москва : Юрайт, 2009. – 376 с.
2. Розовский Б.Г. Ненаучные заметки о некоторых научных проблемах уголовного процесса : монография / Б.Г. Розовский. – Луганск, 2004. – 600 с.
3. Михайлов В.А. Проблема целей и задач уголовного судопроизводства / В.А. Михайлов // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – № 3 (19). – С. 3–9.
4. Попов А.П. Уголовный процесс России: целеполагание, система задач и средства : монография / А.П. Попов. – Пятигорск, 2016. – 299 с.
5. Григорьев В.Н. О некоторых замечаниях к нормативным формулировкам назначения уголовного судопроизводства / В.Н. Григорьев // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 1 (63). – С. 127–133.
6. Зинченко И.А. Принцип достижения объективной истины в контексте назначения и цели уголовного процесса / И.А. Зинченко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 6 (11). – С. 34–46.
7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головкин. – Москва : ИД «Городец», 2022. – 464 с.
8. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное законодательство России: идейное содержание, форма и качество / А.В. Победкин // Судебная власть и уголовный процесс. – 2023. – № 1. – С. 73–85.
9. Григорьев В.Н. Нужны ли уголовно-процессуальному праву нормы-дефиниции? / В.Н. Григорьев, И.А. Зинченко // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 4. – С. 3–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник;

Зинченко Игорь Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Leading Researcher;

Zinchenko Igor Anatolyevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law Disciplines.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 22.01.2024. The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 22.01.2024.

REFERENCES

1. Tomin V.T. Criminal procedure: current issues of theory and practice. Moscow, Yurajt Publ., 2009. 376 p.
2. Rozovsky B.G. Unscientific notes on some scientific problems of criminal proceedings. Lugansk, 2004. 600 p.
3. Mikhailov V.A. The problem of the purposes and objectives of criminal proceedings. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2011, no. 3 (19), pp. 3–9. (In Russian).
4. Popov A.P. Criminal procedure in Russia: goal setting, system of tasks and means. Pyatigorsk, 2016. 299 p.
5. Grigoryev V.N. On some comments on the normative formulations for the purpose of criminal proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 1 (63), pp. 127–133. (In Russian).
6. Zinchenko I.A. The principle of achieving objective truth in the context of the purpose and objective of criminal process. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal = Criminologist's Library. Scientific Journal*, 2013, no. 6 (11), pp. 34–46. (In Russian).
7. Golovko L.V. The state and its criminal proceedings. Moscow, Gorodec Publ., 2022. 464 p.
8. Pobedkin A.V. Criminal procedure legislation of Russia: ideological content, form, quality. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial Authority and Criminal Process*, 2023, no. 1, pp. 73–85. (In Russian).
9. Grigoryev V.N., Zinchenko I.A. Definitive norms: are they needed in criminal procedure law? (comparative view). *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya justiciya = International Criminal Law and International Justice*, 2017, no. 4, pp. 3–10. (In Russian).